

Денис Либстер

Волшебство ПОД НОГАМИ

Второй шанс	2
Есть не обязательно	8
Кот и облака	18
Неудачный день	24
Бабочка на снегу	33
Такси из кармана	37
Предел волшебства	41
Туманное утро	48

Иллюстрации: Татьяна Шульдешова

© tashu.art

Корректор: Екатерина Рябикина

Второй шанс

Он вынырнул из забытья, словно из проруби, и какое-то время потряхивал головой, пытаясь сфокусироваться. Реальность плавно выплыла из тумана мерным перестуком колес и болью: ссадина на лице горела огнём, а каждое движение отдавалось щемящим нытьем в ребрах. Он осторожно огляделся, придерживая щеку ладонью. «Трамвай?» Попытка уточнить координаты ни к чему не привела: старенький обшарпанный вагон неторопливо тарыхтел по ночным улицам крепко спящего города, чей сон не тревожили ни фонари, ни окна полуночников.

Вспоминать, как он очутился в трамвае, совсем не хотелось. В конце концов, проснуться в теплом сухом вагоне — это совсем не плохой вариант. Можно даже сказать, повезло. Он снова потёр саднящую щеку.

— Куда едем-то? — спокойный усталый голос заставил его вздрогнуть и окончательно проснуться.

— Да всё равно, денег-то у меня ни копейки, — буркнул он, не отрывая глаз от паутины трещин на полу.

Пауза затянулась. Не услышав привычных «на водку-то, конечно, нашёл» и «пешком ходить нужно без денег», он медленно поднял голову. Сухонькая старушка-кондуктор — режиссёры всего мира доверяют таким роли добрых волшебниц — улыбнулась ему как любимому внуку, который приехал на каникулы, и протянула билетик:

— У меня со смены один остался. Возьми, желание загадаешь!

Изрядно помятый билет действительно оказался счастливым. Он неловко повертел клочок бумаги в руках, на всякий случай пересчитал цифры, а потом мечтательно выдохнул:

— Курить охота!

И добавил, потеряв заросшую щеку:

— А ещё я бы с удовольствием чего-нибудь перекусил. Сойдет за желание?

Старушка, пожав плечами, улыбнулась, мол, мне-то какое дело, и ушла на своё место. На пару минут в вагоне повисла тишина, но, как только он снова начал клевать носом, трамвай неожиданно остановился, и полуразбитый динамик над его головой проскрежетал: «Конечная! Просим пассажиров покинуть вагон!»

— Да-да! Всё, понял, выметаюсь! — пробормотал он, не собираясь злоупотреблять терпением трамвайных хозяев.

Перед тем как шагнуть в темноту, он повернулся к кондуктору, чтобы поблагодарить за гостеприимство. И замер

от неожиданности: старушка задорно подмигнула ему, а потом показала язык.

— Мужчина! Не задерживайте вагон! — ворчливо проскрипел динамик, и он послушно спрыгнул в предрассветную темноту.

Он планировал спокойно поспать часа три до того, как на улице появятся первые машины и люди. Хотел устроиться на скамейке остановки поудобнее — если в этом случае вообще можно говорить о комфорте — и уперся головой в какой-то шуршащий пакет. Он сел и попытался рассмотреть свою находку в свете тусклого фонаря — обычный фастфудовский пакет.

Пару секунд он колебался, потому что до изучения содержимого мусорных ящиков ещё не дошло. А потом осторожно отложил в сторону гордость и предубеждение.

— Кто-то просто забыл пакет на остановке, — сказал он вслух, стараясь, чтобы это прозвучало убедительно.

Потом махнул рукой:

— А даже если и выкинул, уж больно жрать хочется!

В шуршащих недрах пакета его ждали два нетронутых сэндвича и смятая пачка «Явы Золотой», в которой болталась последняя сигарета. Тщательно и неторопливо прожевав сэндвичи, он похлопал себя по карманам, обнаружил чудом — «да мне сегодня везет!» — уцелевшую зажигалку и чиркнул колёсиком. После третьей затяжки он вытащил из кармана билетик и, усмехнувшись, разгладил его на ладони: «А что? Может быть, именно так и выглядит билет в светлое будущее!» А потом вдруг отчетливо вспомнил, где и при каких обстоятельствах они встречались со старушкой, которая на прощание показала ему язык.

Ему было шестнадцать, и он опаздывал. Катастрофически опаздывал на встречу, от которой зависела его спортивная карьера: он с пяти лет занимался футболом, скаут

известной в России академии не собирался задерживаться в их городке больше, чем на день, а матч начинался через пятнадцать минут. Матч, в котором он должен был показать всё, на что способен.

Вот только трудно думать о завтрашнем дне и спортивном будущем, когда встречаешь самую красивую девушку в мире. А ещё труднее оторваться от её губ. В общем, он стоял на остановке, лихорадочно решая в уме непростую задачу: как за десять минут добраться до стадиона, если даже без пробок ехать до него полчаса. Да и то, если таксист попадёт-ся смелый. Смелый и бескорыстный: денег у влюблённого футболиста даже на трамвайный билет набралось бы с трудом. Но, как назло, у него не было даже шанса разжалобить какого-нибудь бомбилу — на дороге не было ни души.

Влюблённый футболист уже смирился с тем, что опоздал на главную игру в своей жизни, когда к остановке неспешно подполз трамвай. Ругаясь про себя на скрипящие двери, которые не торопились закрываться, и пытаясь усилием мысли хоть немного притормозить бег минутной стрелки, он не глядя протянул кондуктору мелочь:

— Сдачи не надо!

— Билет возьми, прожигатель жизни. И желание загадывай!

Это прозвучало так уверенно, что заставило его прервать бессмысленный «стрелочный» гипноз и поднять голову. Старушка-кондуктор — режиссёры всего мира доверяют таким роли добрых волшебниц — спокойно выдержала его скептический взгляд и повторила:

— Билет, говорю, счастливый. Загадывай скорее, время-то идёт.

— Не верю я в эту чепуху со счастливыми билетиками!
— отрывисто бросил он, считая в уме цифры, которые действительно складывались в счастливую комбинацию.

Старушка улыбнулась: её несколько не смутила его резкость.

— Ну и зря. Тем более терять-то тебе сейчас нечего, правильно?

Он упрямо сжал губы и посмотрел на часы: стрелки невозмутимо отсчитывали секунды. До начала матча оставалось семь минут.

— Хорошо! Предположим, мне через пять минут нужно быть на другом конце города. Сойдёт за желание?

— Билет! — старушка улыбаясь указала глазами на нервно сжатый кулак. — Говорят, его нужно съесть. Для верности. Это не я придумала правила!

— А ведь вы сейчас не шутите, да?

Старушка кивнула. На пару секунд в вагоне повисла тишина, которую нарушало только непрерывное тиканье часов, а он глубоко вздохнул, решительно скатал билет в бумажный колобок, бросил его в рот и торопливо прожевал.

— Теперь всё правильно? — спросил он подчёркнуто вежливо. И тут произошло то, чего он меньше всего ожидал: старушка задорно подмигнула и показала ему язык. А в следующую секунду трамвай дёрнулся и замер.

— Стадион. Конечная. Просим пассажиров покинуть вагон! — прохрипел расхристанный динамик. Не веря своим ушам, он посмотрел на часы и бросился к двери: осталась еще пара минут, чтобы добежать до раздевалки.

Сигарета обожгла ему пальцы и вернула в прохладную ночь. Тогда, в юности, он списал этот случай на часы, которые так и остановились за две минуты до начала просмотра, а он принял это за чудо.

— Значит, тебя нужно съесть! — сказал он, обращаясь к билету, который всё ещё лежал у него на ладони. На секунду задумался, уверенно скатал билет в комочек и проглотил. Спать больше не хотелось, а щека уже почти не болела. Он

встал, потянулся так, что помятые ребра жалобно скрипнули, и усмехнулся солнцу, которое медленно и неохотно поднималось над городом.

В это время в трамвае, который катился по городу, встречающему рассвет, чёрный пушистый Кот недовольно вымурчивал кондуктору:

— Втор-рое уже желание псу под хвост! Покур-рить да пожр-рать! Вр-ремя только зр-ря потр-ратили...

— Хватит ворчать, ушастый. Ишь ты, времени ему жалко! Запомни, пушистая твоя голова: в чудесах размер — не главное. Главное — верить, что они случаются!

И старенький вагончик неслышно растворился в утренней дымке.

Есть не обязательно

Представьте себе, что однажды у какого-то изворотливого и ловкого грабителя получилось незаметно для камер слежения перемахнуть через трёхметровый забор, который окружает угрюмый кирпич пятиэтажного здания в центре города N. Преступник просочился мимо суровых сотрудников службы безопасности, стойко несущих вахту у каждого входа и выхода; обошел все системы безопасности, за которые, по слухам, отдали не один чемодан американских денег; осторожно приоткрыл дверь, отмеченную простой латунной табличкой с гравировкой «Генеральный директор».

Между прочим, мало кто в городе N открывал дверь этого кабинета после того, как на ней появилась вышеупомянутая табличка. Даже сотрудники компании, чьи отделы и департаменты занимали все пять этажей здания, обнесённого забором, не знали, что может увидеть шагнувший за порог.

Неизвестность порождает слухи, поэтому недостатка в версиях не было. Почему-то в девяти историях из тех десяти, что шепотом пересказывали в курилках, обязательно присутствовали золотой унитаз и огромный сейф. И если золотой унитаз был плодом коллективного воображения, сейф многие видели собственными глазами: это стальное чудо-вище едва не снесло несущую стену в процессе разгрузки и установки.

Но нам пора вернуться к ловкому грабителю. Вернуться и мысленно похлопать его по плечу — это самое большое, что мы сейчас можем сделать для человека, который потратил три часа времени и сломал четыре сверла. Очень дорогих сверла! И все ради того, чтобы узнать: в сверхнадёжном сейфе не было ни коллекции драгоценных камней, ни паролка от кошелька с биткоинами. Только ветхий трамвайный билет. Будь неудачливый преступник внимательнее, он бы заметил, что номер на билете складывается в счастливую комбинацию. Но, честно говоря, вряд ли это открытие смогло бы его утешить. Тем более что в счастливые билеты он всё равно не верил.

А пока грабитель прикидывал, окупит ли продажа ручки, которую он нашел на столе, потраченные нервы и сломанные свёрла, хозяин кабинета сидел на замызанной скамейке самого обычного парка и любовался звездным небом. При желании это можно было бы назвать пикником: он периодически прикладывался к невзрачной металлической фляжке и вылавливал пластиковой вилкой кильку из открытой жестянки. Время было

позднее, скамейка стояла в глубине парка, и на полуночного любителя звёздного неба никто не обращал никакого внимания. Да и кого в городе N можно удивить ночным пикником на скамейке, накрытой газеткой? Если бы кто и удивился, то только сомелье из лучшего ресторана города N: его чуткий нос сразу бы распознал, что напиток во фляжке — ровесник её владельца, а тому было не меньше сорока пяти лет. Но сомелье крепко спал, и ему снилось, что он навсегда покидает город N.

Скорее всего, любитель звёздного неба тоже собирался отправиться в тёплую постель, когда фляга опустеет. Но его планы нарушил кот, который материализовался возле скамейки через пару минут после того, как смартфон робким писком оповестил своего хозяина о наступлении нового дня. Нет, не так: КОТ. Огромная чёрная зверюга с жёлтыми глазами, которая неслышно шагнула из густых сумерек и одним плавным движением уместилась на скамейке. Поближе к кильке. А потом дружелюбно промурчала, потягиваясь и сладко зевая:

— Сла-увная погодка нынче!

Ценителю шотландского виски не хотелось портить такой славный вечер разговорами. Поэтому он не поворачивая головы кивнул, соглашаясь с приветственным тезисом, и отхлебнул еще немного янтарной жидкости. Кота такое начало беседы нисколько не смутило.

— А звёзды-то этим вечером как на ладони! Р-романтика! — он незаметно придвинулся к кильке еще ближе, втянул ее запах розовым носом и довольно пошевелил усами.

Человек опустил флягу на скамейку и раздраженно повернулся, собираясь предложить назойливому собеседнику продолжить свое путешествие в любом направлении на его выбор, но когда увидел, кто набивается ему в собеседники, не смог вымолвить ни словечка. Поэтому вместо жёсткого

— Да, дома меня никто не ждёт, — задумчиво кивнул он, потянулся было еще раз отхлебнуть из фляги, но передумал и умолк, погрузившись в воспоминания. Пару минут тишину нарушало только урчание и чавканье кота да стрекот сверчков.

Потом Кот сыто рыгнул и напомнил:

— Мне показалось, что кто-то тут собир-рался мне что-то р-рассказать. И я подумал, может быть, тебя смущает, что я чавкаю, — промурчал он, слизывая с лапы остатки томатного соуса. — Поэтому р-решил сделать паузу. Всё! Вот теперь можешь р-рассказывать!

Человек медленно повернул голову, как будто только что осознал тот факт, что он на самом деле не спит и разговаривает с огромным чёрным котом посреди ночного парка. Потом тяжело вздохнул и тряхнул головой, словно долго стоял на краю утёса и наконец решился прыгнуть в бушующее внизу море.

— Я очень её любил...

— Слушай, навер-рное, ты меня не понял! — снова перебил его Кот, усаживаясь на скамье поудобнее. — Конечно, я знаю эту историю: третий кур-рс, ты встр-ретил девушку своей мечты, а в этом пар-рке и на этой вот скамейке вы провели много счастливых часов. Ой, только не думай, что я за вами подглядывал! — торопливо уверил он человека, увидев, как его глаза постепенно становятся круглыми от удивления. — Пр-росто знаю и всё! Ты же пр-редложение ей собир-рался сделать здесь, да? И кольцо купил. То самое, котор-рое у тебя до сих пор в кар-рмане лежит, так?

Человек ошарашено кивнул.

— А потом она не пр-ришла на свидание, пер-рестала появляться в институте и вообще пр-ропала. История, конечно, печальная. Но я так и не понял, почему ты здесь сидишь?

— Может быть, потому, что она бросила меня? Уехала в другой город, вышла замуж и не сказала мне ни словечка? Ни письма, ни записки — ничего! Теперь понятнее стало, Кот?

— Нет! — коротко бросил его желтоглазый собеседник, увлеченно ковыряясь в зубах. — Непонятно. Хотя бы потому, что все это ер-рунда. Ер-рунда и неправда.

— Что?

— Ер-рунда! И непр-авда! — медленно повторил Кот. — Ты р-разве искал её после того, как она не пр-ришла в тот вечер? Нет! Молчи! Позвонить пар-ру р-раз тётке, у которой она квар-ртиру снимала, не тянет на поиск любви всей своей жизни. А эту печальную истор-рию, из-за котор-рой ты уже столько лет сам себя жалеешь, ты откуда знаешь? Ах, конечно: со слов вашей общей знакомой, котор-рая спала и видела тебя своим мужем. Ничего я не пер-репутал?

Директор молчал, крепко стиснув флягу. Потому что ответить ему было нечего. Тем временем Кот, почесав пушистое пузо, закинул ногу на ногу и продолжил:

— Нет, я тебя, конечно, понимаю. Мне тоже хочется верить, что все люди хор-рошие, и довер-рять им безгр-ранично. Просто иногда, в особых, так сказать, случаях, я пр-роверяю, не привир-рают ли они малость. А твой-то случай как раз из особых, согласишься?

Кот ненадолго умолк, сделав вид, что внимательно изучает свои когти, и в ночной тиши раздалось только обиженное сопение его собеседника, который озлобленно тёр пальцами седые виски.

— Ты мне вот что скажи, дор-рогой др-руг! — неожиданно продолжил разговор Кот, почти касаясь носом руки человека, которой тот закрыл лицо. — Если ты не стал её искать, то на что билет потр-ратил?

Человек, казалось, даже подпрыгнул от неожиданности. Глядя прямо в жёлтые глаза, похожие на две пылающие

звезды, он понял: Кот знает всё. И про трамвай, который отвёз его домой той ночью, когда он думал, что потерял любовь всей своей жизни, и так утешался портвейном, что немного потерял ощущение реальности. И про старушку с лукавым взглядом, которая вручила ему билет, уверяя, что он — билет — самый что ни на есть счастливый. И про то, как этот трамвай растворился в тумане у него на глазах, когда он вышел на своей остановке, где никогда не ходили трамваи, Коту тоже известно.

— Я его не потратил, — тихо выдохнул он. — Этот билет до сих пор лежит у меня в сейфе. Я так и не решился его съесть.

Кот отодвинулся от него, осмотрел с головы до ног, словно только что увидел, а потом неожиданно захохотал. Заливисто и заразительно. Этот дикий хохот спугнул всех птиц в окрестности, и даже сверчки на какое-то время испуганно замолчали. Кот смеялся так долго, что человек успел сделать несколько обиженных глотков, прежде чем его пушистый собеседник перестал хлопать себя по коленям и откидываться на спинку скамейки.

— Люди! — наконец выдохнул Кот, все еще подрагивая от смеха и закатывая глаза. — Ну с чего ты взял, что обязательно нужно есть? Счастливый билет — это пр-раво на желание. Хочешь есть, чтобы понять, чего ты хочешь — кушай на здоровье. Только это вовсе не обязательно. Поэтому спр-рошу ещё раз: на что ты билет потр-ратил, дир-ректор?

Воспоминания нахлынули резко и неприятно, как брызги из-под колес пролетевшей мимо машины: на секунду, сжав в руках билетик, ему захотелось просто быть рядом с ней. Но потом в голове появилось другое желание: доказать. Доказать ей! Доказать всем! Приехать на белом коне-мерседесе, чтобы она поняла, кого бросила, поняла, от кого уехала! Он посмотрел на Кота. Чёрный нахал понимающе кивнул:

— Мальчики! Сколько живу, а вы всё такие же, совсем не меняетесь. Дур-рак ты, дир-ректор, что я могу ещё сказать.

Директор попытался вскипеть, но «дурак» у кота получился настолько беззлобным и даже немного заботливым, и это напомнило, как мама называла его «дурачок ты мой, дурачок», нежно глядя по голове.

— Она меня бросила! — упрямо буркнул он, стараясь не смотреть в насмешливые кошачьи зенки.

— Ой-ой, кто это тут такой обиженный? — смешливо сюсюкнул Кот. — Кому это здесь так плохо и одиноко?

И вдруг одним незаметным и плавным движением оказался прямо перед человеком, положил свою огромную лапищу ему на лоб и резко рыкнул:

— Не дер-ргайся и смотр-ри внимательно!

Перед глазами директора замельтешили яркие картинки, словно кто-то поставил кино на перемотку. Вот по дороге едет машина, в которой сидит Она, явно чем-то расстроенная. За окном сильный дождь, автомобиль занесло. На полной скорости он слетает с дороги, несколько раз перекачивается через крышу и утыкается в валун. Белые стены больничной палаты, Она лежит на кровати, подключённая к капельницам. А вот Она сидит на этой самой скамейке. Плачет? Да, похоже, что плачет...

Кот отдернул лапу и заговорил:

— В тот вечер за ней пр-риехало такси, потому что её маме — а ты же знал, что её мама живет в другом гор-роде, пр-равда? — стало очень плохо. Сегодня всё, конечно, было бы пр-роще: эсэмэска, мессенджер, звонок... Но раньше не было мессенджер-ров. И домашнего телефона у неё тоже не было. Поэтому Она пер-редала тебе записку. Через ту самую знакомую, котор-рая с пятого класса решила сделать тебя своим мужем. А дальше ты всё видел. Вр-рачи, кстати, чудом её спасли — спасибо слабому эху твоего настоящего

желания. А когда она вер-рнулась в гор-род, чтобы тебя най-ти, ты уже укатил в столицу закладывать первые кир-рпичи своей импер-рии. Разминулись на пару дней буквально, ещё одна нелепая случайность...

— Где она?

— Тебе хочется знать, где она живет или где она пр-рямо сейчас? — невозмутимо уточнил Кот.

— Где она? — прошипел человек, схватив Кота и попы-тавшись оторвать его от земли. Пушистый зверюга небреж-но стряхнул с себя сто килограммов директора и взгляделся в пузатый брегет на цепочке, возникший из ниоткуда в его лапе.

— Та-а-ак, ветер север-рный, время за полночь, луна пол-ная. В общем, пример-рно чер-рез тр-ри минуты она будет на остановке. Той самой, на котор-рой ты загадал своё желание. Нет, постой: уже через две минуты и сор-рок секунд.

Он прекрасно помнил то место и тот вечер. Прекрас-но помнил, как стоял, сжимая в ладони билет, и смотрел на растворяющийся в утреннем тумане трамвай. Из оце-пенения его вырвал истошный вопль Кота, который заорал ему прямо в ухо: «Дур-рень, беги!» Это сработало. Гулкое ночное эхо еще разносило «беги-и-и» по парку, а человек уже мчался, сминая кусты и не жалея ни травы, ни туфель, ни костюма. Бежал, потому что был уверен, не зная, откуда взялась эта уверенность: если опоздает, другого шанса ему никто не даст. Задыхаясь, он выбежал из-за последнего по-ворота.

И увидел трамвай, отходящий от остановки. Опоздал!

С трудом волоча ноги по брусчатке, он доковылял до ла-вочки под навесом и понял, что ему очень хочется отхлеб-нуть из своей фляги. Пошарив по карманам излохмаченных остатков пиджака, он осознал, что забыл её в парке.

Опоздал! Ему хотелось плакать, но слёзы почему-то не текли. Сердце постепенно успокаивалось после дикой гонки. Тук-тук. Тук-тук. А потом кто-то коснулся его плеча.

— Давай без розовых соплей, Кот!

Чья-то рука скользнула по его шее и зарылась в волосы. А потом голос, который он так и не смог забыть, произнес:

— Знаешь, когда та старушка сказала мне, что я встречу тебя этой ночью, я ей не поверила.

Человек боялся пошевелиться. Если всё это было сном, он не хотел его спугнуть. А если не сон...

— Прости меня, — прошептал он. И больше ничего не смог вымолвить. Потому что очень трудно говорить, когда кто-то тебя целует.

Конечно, они не обращали внимания ни на трамвай, который стоял рядом, ни на старушку с хитрым взглядом, которая улыбаясь смотрела на них в окно. А за спиной у старушки стоял Кот, который держал в одной руке банку с килькой, а в другой — «забытую» флягу. Сделав добрый глоток и стряхнув в пасть пару килек, он легонько пихнул старушку флягой в спину и спросил:

— Втор-рой шанс — за что? Он же свой билетик в никуда потр-ратил!

— Второй шанс? Да никто ему никакого второго шанса не давал. Это ей счастливый билет достался. А знаешь, что самое интересное, котяра? — старушка повернулась к любителю кильки в томатном соусе. — Самое интересное, что она так и не поняла, что ей достался счастливый билет, просто ей очень хотелось его увидеть. А когда женщина чего-то хочет, ей ни чудеса, ни мы с тобой не нужны. Такие вот, котинька, дела!

Старушка чмокнула растерявшегося Кота в розовый нос, а трамвай медленно растаял в воздухе.

Кот и облака

Иногда кажется, что всё вокруг происходит совершенно случайно. Это, конечно, не так: порядок есть всегда и во всём. Просто иногда, чтобы это понять, нужно подняться повыше.

Лучше всего про это мог бы рассказать один чёрный кот, который больше всего на свете любил смотреть на белые облака — они напоминали ему сметану, а её кот тоже очень любил. А с облаками так: чем выше поднимаешься, тем лучше их понимаешь. Поэтому свой дом он обустроил прямо на

крыше здания железнодорожного вокзала в одном небольшом городе.

Если бы этому Коту захотелось поговорить, – иногда с котами такое случается – он бы рассказал о том, что сверху прекрасно видна строгая логика вокзальной суеты, которую невозможно понять, стоя на перроне. Случайности, конечно, тоже случаются, но только в строго отмеренной для случайностей пропорции и в строго отведённое для них время. Разумеется, Кот понял это не сразу. Впервые оказавшись на вокзале, он поначалу немного ошалел от ботинок и чемоданов, немного испугался и даже собрался тихонечко сбежать. Но! Сначала он заблудился. Потом наткнулся на лоточницу, которая угостила его половиной горячей сосиски. Перекусил. Довольно зевнул. И решил не торопиться с выводами.

Чтобы научиться ориентироваться в вокзальной неразберихе, коту понадобилось совсем немного времени. Очень скоро он выучил, когда лучше не соваться на перрон, в какую смену работает дворник, который не любит – и такое бывает – кошек, и в каких поездах работают проводницы, у которых можно было вымурлыкать сытный ужин.

Кот проводил на крыше всё время, свободное от дел и забот: ему очень нравилось, когда облака проплывали так близко, что их, казалось, можно было коснуться лапой. Какие дела могли отвлечь его от любимого занятия? Он любил, чтобы на его территории – а весь вокзал с поездами, носильщиками и пассажирами он нагло считал своей территорией – всё шло по порядку. Пусть даже никто, кроме него, этого порядка не понимал. Просто, когда поднимаешься выше, лучше видно не только облака, но и мелочи, на которые раньше не обращал никакого внимания.

Поэтому он со своей крыши сразу видел тех, кто пришел вовсе не для того, чтобы купить билет или проводить

старого знакомого. Оказалось, вокзал как магнит притягивает людей, которые ищут. Неважно что: вдохновение, ответы или себя. А что нужно человеку, который ищет себя, если не душевный разговор?

Для всех, кто собирается спросить, какое отношение коты имеют к душевным разговорам, напомним: каждый уважающий себя кот прекрасно знает, что иногда, чтобы серьезно поговорить, нужно просто лечь рядом и начать тихонько мурлыкать. Поэтому, заметив в толпе очередного «нарушителя порядка», наш герой спустился с крыши, сел к нему поближе и слушал, свернувшись в пушистый мурчащий клубок.

В тот памятный день Кот лежал на крыше и любовался облаками, подставляя бока летнему солнышку. А потом механический голос объявил о скором прибытии поезда на Ленинград и на перрон потянулись отъезжающие, провожающие и носильщики. Это всегда похоже на спектакль, который городской театр каждый день играет для невидимых зрителей, поэтому Кот сразу почувствовал присутствие нового героя: коты, в принципе, очень чувствительные существа. С большой неохотой оторвавшись от своих облаков, он посмотрел вниз и сразу увидел щупленького парнишку, который держался чуть в стороне от толпы, отчаянно пытаясь казаться взрослым и самостоятельным. Его выдавали только испуганные глаза, которые он прятал за темными стеклами очков. Людей это ещё могло обмануть, но коты прекрасно видят сквозь стены – какое им дело до каких-то там стёкол! Хранитель вокзального порядка недовольно посмотрел на мальчишку, перевел взгляд на облака и, решив, что никуда они от него не денутся, плавно стёк с крыши.

Когда он подошел к парню, тот сидел на лавке и вертел в руках уже изрядно помятую сигарету, явно не зная, что с

ней делать. А потому очень обрадовался, что можно переключить внимание на Кота, который запрыгнул на лавку.

– Эх, кот! Хотел бы я такую беззаботную жизнь, как у тебя, – попытался завязать беседу мальчуган. Кот, который голодал последние пару дней, недоуменно приподнял бровь, чтобы отметить довольно странные представления парня о беззаботности. И не удивился, когда тот не заметил его недоумения. Людям свойственно оценивать других так, как им удобно, а Кот уже почти привык к этому.

– Ты только посмотри, какое сегодня небо красивое! – продолжил парень, недоумевая, почему он раньше боялся заговорить с незнакомцами, если это так просто.

– Небо – оно всегда красивое, нужно просто почаще на него смотреть, балбес! – не сдержался Кот. Но со стороны это выглядело так, словно он просто мурлыкнул громче обычного.

Не будем тратить время на пересказ всей беседы: примерно через пять минут Кот знал о парне больше, чем папа с мамой, которым он оставил на столе записку. Ну как, записку: огрызком карандаша он торопливо нацарапал на салфетке просьбу не волноваться за него и обещал вернуться домой года через два.

– Или три. Не знаешь, сколько там учиться в мореходке на капитана дальнего плавания? А мне же потом ещё нужно закалиться и получить белый китель. И кортик. Ну и пару орденов, наверное. Как думаешь, кот, впечатлит её кортик? Поймет она, кого потеряла?

Кот думал, что капитан дальнего плавания – это не самый плохой выбор. А вот как можно что-то доказать человеку, убегая от него, Коту было не очень понятно. А еще он думал, куда же теперь вести этого мальчишку: к кассам, чтобы он купил себе билет на поезд, или к автобусной остановке, чтобы отправить его домой. Решение нужно было принять быстро: через десять минут уходил сочинский поезд, а

тетушка Арминэ, которая работала в его вагоне-ресторане, всегда угощала кота сметаной перед рейсом. Он задумчиво посмотрел на облака и принял решение.

– Давай-ка за мной, капитан! — муркнул он, спрыгнув с лавки и распушив хвост.

Когда сытый и довольный Кот не спеша возвращался к своим облакам, перед ним прямо из полуденного июньского зноя вынырнул старенький потрёпанный трамвай. Только Кот этому даже не удивился. Он прекрасно знал: раз уж день начался с чего-то неожиданного, чудеса будут продолжаться до самого заката. А до заката было ещё далеко.

Двери трамвая с грохотом и лязгом распахнулись, и к коту вышла улыбающаяся старушка с хитрыми глазами. Она присела на ступени, подмигнула и спросила:

– Ну-ка, хвостатый, рассказывай, чего это ты решил парня домой отправить? Я что же, выходит, зря его сюда привезла? Мне показалось, он очень, очень хотел попасть на вокзал!

Кот искоса посмотрел на старушку и понял, что одним мурлыканьем он от неё не отделается. Ну, по крайней мере, точно не в этот раз.

– Паспор-рт он дома забыл, – протянул он нехотя. – А без паспор-рта его всё р-равно на следующей станции снимут, даже если он зайцем пролезет. Впр-рочем, какой из него заяц! В пар-роходку он на следующий год поступит, в этом всё равно набор-р закончился. Девчонка его на самом деле просто др-разнит. А он дур-рень!

Кот перевел дыхание после непривычно долгого спича, а старушка довольно расхохоталась:

– И откуда же ты всё это знаешь, ушастик?

В любой другой ситуации Кот бы всерьёз обиделся на «ушастика» и не стал бы ничего отвечать. Но старушка производила приятное впечатление.

– Пр-росто иногда я поднимаюсь повыше своей кр-ры-ши. Оттуда видно побольше.

Старушка понимающе кивнула, ненадолго задумалась, а потом неожиданно – впрочем, кого мы обманываем? – предложила:

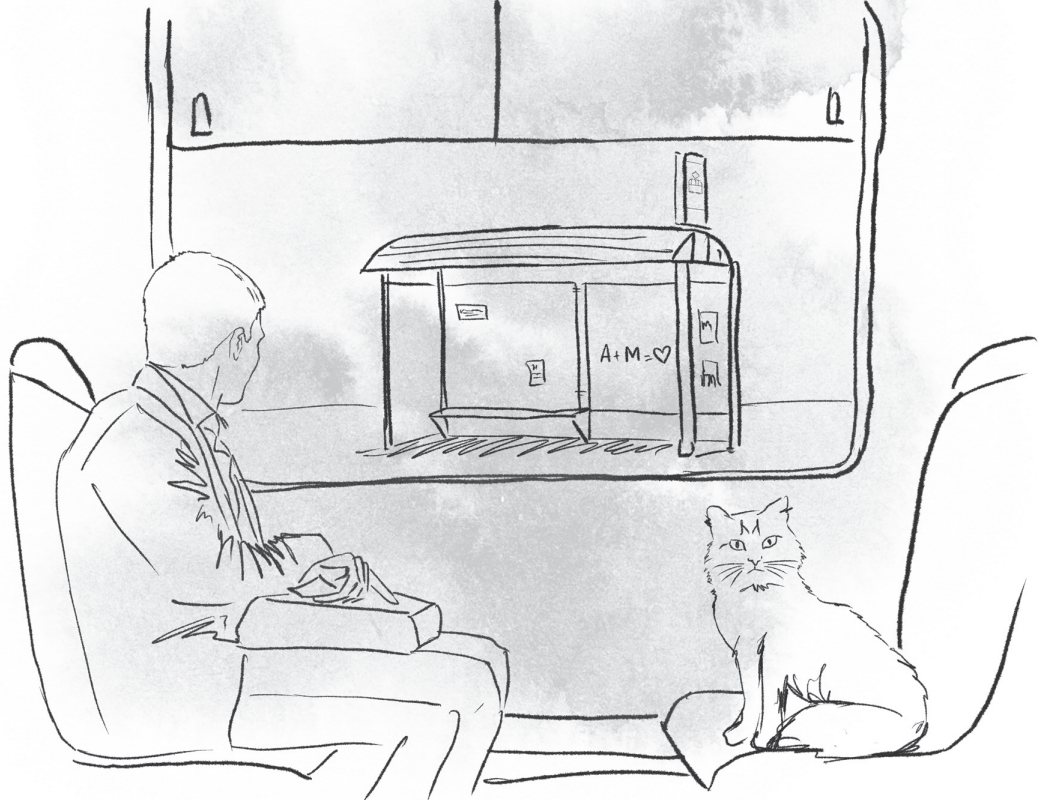
– А поехали со мной, Кот? Обещаю кормить сметаной и котлетами – не хуже тётушки Арминэ!

Теперь настала очередь Кота немного задуматься.

– А из твоего трамвая можно смотреть на облака? – спросил он.

– Не только смотреть, Кот, но и гладить! Поднимайся-ка на борт!

Трамвай исчез так же внезапно, как появился. Вокзал на какое-то время остался без присмотра, но совсем ненадолго: к весне на крыше зала ожидания появился новый котёнок, который любил смотреть на облака. Те самые облака, которые никогда не прерывают своё невозмутимое плавание, потому что знают: порядок есть всегда и во всём. Даже если кому-то кажется, что это не так. Просто, чтобы это понять, нужно подняться повыше.

Неудачный день

Когда он наконец оторвался от клавиатуры и откатился от стола, откинувшись на спинку кресла, ленивое сентябрьское солнце медленно опускалось за горизонт. Его задержала в офисе не работа: по вечерам ему нравилось возиться с проектом этого дома мечты. Детской фантазией, обречённой вечно жить в цифре. Андрей вернулся к монитору, лениво пощёлкал мышью, чтобы полюбоваться своим творением со всех ракурсов, довольно хмыкнул и выключил компьютер.

Уходить домой последним под гулкое эхо каждого шага в пустом офисном коридоре давно вошло в привычку. Его не раздражала ни медлительность лифта, который, похоже, успел уснуть и был совсем не рад, что кто-то его разбудил, ни недовольное сопение охранника, который целую вечность возился с ключами, чтобы выпустить его на улицу. Поэтому вежливое «спокойной ночи» выпало у него на автомате, а не от желания потроллить.

Услышав в ответ привычное ворчание о нормальных людях, которые давно разошлись по домам, он рассеянно улыбнулся и шагнул с крыльца в сгущающиеся сумерки. Чтобы наступить в лужу. Единственную, пожалуй, лужу на ближайšie несколько километров. Что ж, мокрый ботинок стал отличным и логичным дополнением к шторе для ванны, которая рухнула утром ему на голову, и чашке кофе, которую он пролил на себя во время обеденного перерыва. Другими словами, лужа его совсем не расстроила. А вот то, что из-за неё придется отменить традиционную вечернюю прогулку по городу, немного огорчило.

Хлюпая промокшим насквозь ботинком, Андрей дошёл до остановки, достал телефон, чтобы вызвать такси, и понял: лимит неприятностей на день ещё не исчерпан. Потому что его верный помощник показал точное время, мигнул – «Прости, я всё!» – и отрубился. Медленно опускаясь на скамейку, он подумал, что сегодня точно можно позволить себе сигаретку из пачки на чёрный день. Оказалось, севший телефон – это не последний сюрприз из комплекта «Вечерние неожиданности». Потому что пачка сигарет с лежащей внутри зажигалкой нашлась сразу, а вот портмоне осталось в кармане пиджака, залитого кофейной гущей. Пиджака, который остался на вешалке в офисном шкафу.

Можно было, конечно, достучаться до спящего охранника и вызвать такси из офиса, но снова старательно не

замечать чье-то ворчание совсем не хотелось. Он выпустил колечко дыма, посмотрел, как оно неторопливо поднимается к первым звёздам, тускло сверкающим на фоне быстро темнеющего неба, и пересчитал брэнчавшую в кармане мелочь. Меди могло хватить в лучшем случае на троллейбус, но последний «рогатый» давно уехал в депо. Значит, без традиционной прогулки всё-таки не обойдётся!

Андрей жадно затянулся и прикинул расклад: в теории, даже если шагать совсем неторопливо, до дома можно добраться к полуночи. Нот грейт, нот террибл! Осталось докурить, и можно спокойно отправляться в путь. Усевшись поудобнее, он посмотрел на свой мокрый ботинок и неожиданно улыбнулся, представив, как ругалась бы бабушка, вернись он домой в таком виде.

— Да, бабуль, я бы многое отдал, чтобы снова услышать твоё: «Ах ты ж, ирод, опять ноги промочил!» Вот бы я сейчас припомнил тебе твоё: «У тебя большое будущее, внучок! Большое и светлое!» И где оно, спрашивается, это «светлое»? Ладно, пора идти, чего это я сам с собой разговорился!

Он ловко отправил окурок в урну, поднялся, зевнул и так и замер с открытым ртом. Потому что увидел, как из густых вечерних сумерек в конце улицы сформировался трамвай. Старый обшарпанный вагончик, дребезжа как пустая консервная банка, медленно полз в его сторону. И это был точь-в-точь такой же вагончик, который однажды в детстве приснился ему во сне. Проснувшись, он сразу нарисовал его, и учитель в художке долго хвалил рисунок:

— У тебя есть стиль, дружище! — говорил пожилой и всегда поддатый художник, похлопывая его по плечу. — Тебе обязательно нужно продолжать, дружище, понимаешь? Учиться и рисовать! Рисовать и учиться!

Он даже покупателя привел, который давал неплохие деньги за детский набросок. Но продавать рисунок юный

художник наотрез отказался. С тех пор трамвай висел на стене у его бабушки, и всякий раз, когда она про него вспоминала, начинались разговоры про «большое и светлое» будущее. А теперь этот трамвай ползёт к нему.

— Да так не бывает! Тут и трамваи-то сроду не ходили! — взъерошив волосы, Андрей схватился за голову и закрыл глаза. Открыл. Трамвай даже не думал исчезать.

Переваливаясь, как старая утка, он тяжело доплюхал до остановки, остановился и с грохотом отворил двери. Пару мгновений юноша взвешивал, стоит ли садиться в трамвай, который приехал непонятно откуда и едет неизвестно куда. А потом махнул рукой, схватился за поручень и...

Чуть не ударился носом об двери: мокрый башмак предательски соскользнул со ступеньки.

— Что, не задался сегодня денёк? — спросил кто-то из вагона.

— Да что-то не особо! — буркнул он в ответ, осторожно поднимаясь по ступенькам.

Первым, кто встретил его внутри, был Кот. Этот здоровенный чёрный котиче лежал на месте кондуктора и изучал его немигающим жёлтым взглядом. В какой-то момент ему даже показалось, что Кот усмехнулся. «Похоже, я уснул на остановке и это какой-то странный сон», — попробовал успокоить себя Андрей. И тут же откуда-то сбоку послышался уже знакомый голос:

— Нет, дружок, ничего тебе не снится. Ты же не спишь?

Он повернулся и увидел кондуктора — миловидную старушку, которая была очень похожа на его бабушку.

— Наверное, всё-таки нет. Но совсем в этом не уверен.

— А раз не спишь, может, и проезд оплатишь? — она хитро прищурилась и протянула морщинистую ладошку. Потом, не считая, ссыпала его мелочь в сумку и протянула билет:

— Бери. Счастливей!

Цифры на билете на самом деле складывались в счастливую комбинацию. Даже пересчитывать не пришлось.

— И что мне теперь с ним делать? Есть?

— Говорят, что есть вовсе не обязательно: можно просто загадать желание, — пожала плечами старушка.

— И оно, конечно, сразу же сбудется?

— Тут, знаешь ли, как повезет! — старушка была абсолютно серьёзна. — Бывает, что кто-то даже желание не может загадать, потому что не знает, чего хочет. Ты вот, дружок, знаешь, чего хочешь? Есть у тебя мечта?

Андрей крепко сжал билет в кулаке, отвёл глаза в сторону и ничего не ответил. Когда-то, очень давно, у него была мечта. Когда-то, когда он еще считал себя творцом. И как же было ему хорошо в этом «когда-то», в котором бабушка ещё жива, а у него не было никаких забот.

— Не знаю насчёт мечты, но в последнее время мне все чаще хочется вернуться назад лет на пятнадцать-двадцать. Сойдёт это за самое заветное желание?

Кондуктор довольно кивнула. Ему показалось, что Кот тоже кивнул, но верить, что это было на самом деле, совсем не хотелось.

— А теперь что будет? — усмехнулся он. — Отправите меня по дороге из жёлтого кирпича к мудрому Гудвину?

Старушка неожиданно расхохоталась. Так заразительно, что он тоже начал улыбаться.

— Конечно, нет! Никаких кирпичей и мудрецов. Тем более, если ты помнишь сказку, Гудвин так никому и не помог! Ты мне лучше скажи: зачем тебе назад? Возвращаться, вообще-то, плохая примета! Может быть, ты совсем не этого хочешь?

Он молча отвернулся к окну: на улице давно стемнело, и разглядеть можно было только то, что освещали редкие фонари. И правда: зачем ему назад? Может, для того, чтобы

отказать отцу во время того разговора? Родители тогда как раз вернулись из своих бесконечных командировок, забрали его от бабушки и решили, что мальчику пора взростеть.

— Творчество — это, конечно, здорово! — отец ходил кругами по комнате, размахивая руками. — Здорово, но, увы, бесперспективно. Мы с мамой решили, что тебе нужна стабильность, а тут как раз у дяди Серёжи место в конторе освободилось. Фантазии там никому не нужны, зато всегда при деле будешь. Сам же понимаешь: сегодня один стиль в моде, завтра — другой! А людям нужна стабильность! Уверенность в завтрашнем дне! Поэтому те самые простые дома, которые ты называешь коробками, будут строить всегда. А твои фантазии — они красивые. Но очень непрактичные!

Отец приводил такие убедительные аргументы, что Андрей в конце концов согласился с ним. И все чаще спрашивал себя: почему? С силой прижавшись лбом к холодному стеклу трамвайного окна, он вдруг вздрогнул. Ему показалось, что вагон проехал мимо дома, в котором они говорили с отцом: он навсегда запомнил старую остановку, на которой когда-то нацарапал «А + М = любовь». Показалось? Он отпрянул от окна и покрутил головой, прогоняя морок.

Старушка с Котом пристально наблюдали за своим гостем, но он не обращал на них внимания, продолжая разматывать воспоминания как спутанные наушники. Девушка с серыми глазами, та самая «М» в его наивной формуле с остановки, которой очень нравились его рисунки. Она всегда говорила, что у него есть искра — почему-то ей очень не нравилось слово «талант». А он всё собирался написать её портрет, но боялся, что у него не получится передать её красоту. В окне промелькнул кинотеатр «Юность» — тот самый, на последнем ряду которого они провели много счастливых минут. Вот только его снесли лет пять назад, а на этом месте

построили очередной торговый центр. Снова показалось? На этот раз он был совсем не уверен.

«Какой-то странный день сегодня. Дурацкий!» — подумалось ему. Совсем как тот день, когда они сильно поругались с сероглазой М. Он сообщил ей, что пока оставит творчество, а она встретила в штыки идею с работой у дяди Серёжи.

— Ты просто похоронишь себя, дурак! — кричала она ему. — Заживо похоронишь! А я не хочу, чтобы рядом со мной был человек, который отказался от мечты! Потому что ты себе этого никогда не простишь, а винить будешь меня!

Он тогда очень обиделся на неё. А потом гордость не позволила вернуться. Но то, что она была права, Андрей понял быстро: ваять типовые коробки ему не нравилось, а смеяться над дурацкими шутками дяди он так и не научился. Если бы не протекция отца, его давно бы уволили, даже несмотря на довольно высокую квалификацию. Он несильно стукнул кулаком по стеклу:

— Такая вот стабильность, папа!

Интересно, где она сейчас? Недавно кто-то из некогда общих друзей писал, что она уехала из города покорять столицу. И у неё получилось.

— У неё всегда всё получалось! — прошептал он, ни к кому не обращаясь.

И чуть не ударился лбом о стекло, потому что трамвай неожиданно остановился. Андрей протёр запотевшее окно и прищурился, чтобы получше рассмотреть, куда его занесло. Как интересно: где-то в ночной дали сверкала огромная буква «М», хотя метро в их городе отродясь не было. Тимирязевская? Похоже, именно про эту улицу говорил ухмыляясь бывший одноклассник, которого он недавно встретил на улице: «Живет теперь наша звезда на Тимирязевской!»

Андрей растерянно посмотрел на Кота со старушкой. Кот сделал вид, что его происходящее вообще не касается, а бабулька хитро прищурилась:

— Говорят, дружок, мы и сами порой не знаем, какое желание у нас заветное, правда?

Он молча кивнул, медленно подошел к двери и опустил ногу на ступеньку. Задержался на секунду, буркнул старушке неловкое «спасибо», вышел на улицу и...

Тут же наступил в лужу. На этот раз правой ногой!

— Да твою же!.. — чертыхнулся он, чувствуя, как холодная жижа затекает в ботинок. И огляделся.

Трамвай довез его практически до дома. Странно, что раньше ему в этом районе трамваи не встречались. Только времени удивляться не было: к ночи на улице подморозило, а валяться с простудой совсем не хотелось. Он понуро прохлюпал до подъезда, закрыл за собой дверь и нажал кнопку лифта.

— Тр-рус! — возмущенно муркнул Кот, который вместе со старушкой прильнул к окну, наблюдая за высадкой пассажира.

— Ты бы, пушистый, лучше помолчал! Когда я тебя с вокзала забирала, ты тоже не шибко храбрым был!

Кот обиженно распушился, но старушка, широко улыбаясь, сгребла его в охапку и закружилась в весёлом вальсе по салону:

— Вот только обиженных котов мне тут не хватало! Ну-ка, перестань быстро! А парень этот не трус вовсе. Я почему-то в него верю. Может, у него завтра получится?

Тем временем их пассажир уже полчаса сидел на кухне в тёплом халате и смотрел в одну точку: безумный день и горячая ванна отняли у него все силы. Потом он неожиданно вскочил, отставил в сторону кружку с остывшим чаем и достал из ящика письменного стола потрёпанный жизнью

и временем лист бумаги — рисунок того самого дома мечты, с которым он возился весь вечер. Дома мечты, который он когда-то нарисовал для неё, а она выбросила его в окно во время последней ссоры. Андрей нежно, словно касаясь её руки, погладил рисунок. А потом решительно сложил его, убрал обратно в ящик и, отчаянно зевая, отправился в кровать.

— А может, послезавтра! — грустно вздохнула старушка.

— А может, он всё-таки тр-рус! — ехидно проворчал Кот.

Трамвай, висевший в воздухе напротив окон своего недавнего пассажира, плавно тронулся с места и медленно растворился в воздухе.

Бабочка на снегу

Она стояла, прислонившись лбом к холодному стеклу, и ждала, когда будильник робким писком напомнит, что у неё осталось полчаса до выхода из дома. За окном неспешно оживало обычное ноябрьское утро, которое почти не отличалось от ноябрьской ночи. Разве что людей было побольше. Огромная угрюмая река мрачных не улыбающихся людей, которые спешат на нелюбимую работу. Угрюмая река, в которую она входила пять раз в неделю, но после пролетевших в одно мгновение выходных делать это было сложнее, чем

обычно. Поэтому даже кофе не смог поднять ей настроение. Хотя он пытался. Изо всех сил.

Ей очень хотелось опоздать на работу хотя бы на пять минут. Увы! Не спасла даже прогулка до офисного кулера: когда она поставила на свой стол пластиковый стаканчик с кислым растворимым кофе и включила рабочий ноутбук, на экране высветилось «8-58». Простая арифметика: унылый рабочий день будет длиннее на целых две минуты. Она глубоко вздохнула, ненадолго задержала дыхание и надела ненавистную гарнитуру: «Доброе утро, меня зовут Ирина, чем я могу вам помочь?»

Последние пятнадцать минут рабочего дня ушли на гипноз минутной стрелки огромных офисных часов, которые начальник отдела считал эталоном точного времени. Дождавшись, когда она издевательски медленно проползла последнюю четверть своего круга, Ирина, укутываясь на бегу в шарф, выскочила на улицу. И чуть не наступила на бабочку. Яркую синюю бабочку, что лежала на крохотном островке только что выпавшего снега, который каким-то чудом ещё не успели смешать с грязью. Лежала и замерзала.

На мгновение Ирина ощутила, как ей холодно. А вместе с этим ощущением пришло понимание: бабочку ещё можно спасти. Как — она пока не знала. Но то, что шанс есть, ощущала всем сердцем, хотя никогда особо не увлекалась подробностями мира насекомых. Порывшись в сумочке, она нашла помятый флаер, который взяла утром, чтобы не обидеть юного распространителя, и забыла бросить в урну, свернула его в кулёк и осторожно поддела умирающую красавицу. А потом постаралась влить немного тепла в поникшие крылья. Она дышала на бабочку, представляя себя огромным

горячим источником, и через пару мгновений та едва заметно шевельнула крылом! Ирина продолжила глубоко дышать. Это помогло ей убивать двух зайцев: отогреть свою хрупкую находку и думать, что с ней делать дальше.

Спускаться в метро не было смысла — час пик. Там и люди-то с трудом выживают, а хрупкую бабочку буквально сотрут в порошок. Такси? Она мысленно прикинула свой баланс: до завтрашнего аванса оставалось впритык на метро сегодня и завтра. Вариантов не оставалось: она уверенно зашагала в сторону дороги ловить попутку. И почти замерзла вместе с бабочкой: никто не торопился реагировать на её вытянутую руку. Но в тот самый момент, когда уверенность девушки собралась отправиться по делам, бросив ее и бабочку на произвол судьбы, потрепанный «Логан» моргнул поворотником и остановился, приоткрыв окно.

— Вы мне бабочку спасти не поможете? Тут недалеко, буквально минут пятнадцать! — без особой надежды спросила она парня, который сидел за рулем. Тот молча кивнул. А потом отказался от мятого полтинника, который она пыталась ему всучить, и смущённо буркнул: «Давайте я вас до подъезда довезу, а то бабочку застудите».

На следующее утро Ирина подошла к окну и прислонилась лбом к стеклу. За окном было доброе ноябрьское утро, а по квартире порхала бабочка, стараясь своими синими маленькими крыльями разнести по всей кухне бодрящий кофейный аромат. В этот раз у нее бы точно получилось опоздать на работу. Но когда она, напевая под нос, вышла из дома, у подъезда её ждал вчерашний «Логан».

— Я подумал, вдруг вы на работу с бабочкой поедете!
— не поднимая глаз встретил её вчерашний спаситель. — За-
мёрзнете же...

Если бы кто-то из спешащих на работу людей поднял бы голову, то увидел, что в воздухе висит старый трамвайный вагон, к окну которого прильнула крепенькая старушка, которая старалась прочесть по губам, о чём говорит молодежь. А за её спиной ворчал огромный чёрный Кот:

— Зачем тебе вся эта кар-рамель сер-риальная с бабочкой? Можно же было попр-роще все пр-ровернуть. Охота тебе чудесами р-разбрасываться?

Старушка улыбаясь повернулась к коту и ткнула его сухоньким кулачком в бок:

— Дурилка ты пушистая! Зачем вообще нужно волшебство, если не делиться чудесами, а?

А вот чем закончился их спор, мы не узнаем, потому что трамвай тихонечко скрипнул и растворился в утреннем тумане.

Такси из кармана

«Вас ожидает синяя “Лада Веста”». Она успела два раза перечитать это сообщение и все равно никак не могла поверить, что телефон, который лежал в кармане, смог сам вызвать такси. Просто так. Без голосовых команд и случайных касаний. Хотя, наверное, она всё-таки коснулась дисплея, когда прятала замерзшие ладони в карманы — перчатки и шарф остались в квартире.

Если верить ежедневнику, который тоже остался дома, у неё не было ни малейшего шанса замерзнуть, потому что

день был расписан буквально по минутам. Но ей вдруг так захотелось пройтись по улице, похрустеть свежим снегом и ощутить, как танцующие снежинки тают на ресницах, что она уговорила себя дойти до пекарни через дорогу и побаловать себя свежим круассаном. А теперь ей предстояло принять важное решение: вернуться к монитору и спасти пылающие дедлайны или выяснить, куда синяя «Веста» собирается ее отвезти. Зарядки у телефона хватило только на то, чтобы вызвать машину и настойчивым писком оповестить о её прибытии. А потом он, словно испугавшись того, что натворил, ушёл в отключку: всё-таки заморские «яблоки» не приспособлены к российским морозам.

Думала она недолго: очередной вечер в компании с ноутбуком с треском проиграл маленькому путешествию в неизвестность.

Таксист остановил машину возле одного неприметного бара в «старом» центре. Она думала, что навсегда забыла это место, но, оказалось, достаточно было смахнуть пыль с воспоминаний, чтобы старые картинки «проснулись» в ее голове. Она неторопливо перешла дорогу, толкнула крепкую потрёпанную дверь и шагнула за порог. Как будто в прошлое нырнула: в баре не изменилось ровным счётом ничего. Сохранился даже клочок бумаги с надписью «на Мальдивы» на баночке для чаевых. И нацарапанное мелом на стене меню выглядело так, словно никто не обновлял его с тех пор, как она сидела за этой стойкой в последний раз. До вечера было ещё далеко, поэтому в зале никого не было, кроме одинокого бармена, которому было так скучно, что он даже не протирал бокалы. Он подождал, пока она устроится на высоком стуле у стойки и вопросительно приподнял бровь.

— Лет десять назад здесь подавали лучший «Манхэттен» в городе!

— Да и сейчас никто не жалуется! — буркнул бармен и принялся колдовать с бутылками.

Она расстегнула пальто, бросила бесполезный телефон на стойку и очень медленно повернулась к окну. Так и есть: тут ничего не изменилось. На стене по-прежнему висел небольшой холст с незатейливым сюжетом — видом на ночной город из окна бара. Её холст. И эта картина стала ключом, что открыл комнату, которую она давно старательно обходила стороной. Комнату со старыми фотографиями и дневниками. Забытыми мечтами и утраченными надеждами. И с каждым глотком «Манхэттена» — здесь правда ничего не изменилось: все еще лучшего в городе — эта комната наполнялась красками, звуками и жизнью.

— Вызовите мне, пожалуйста, такси! — попросила она бармена, отодвигая пустой бокал. И продиктовала адрес, который помнила наизусть.

В декабре быстро темнеет, поэтому домой она возвращалась под светом городских фонарей. Пешком. С огромным пакетом кистей, красок и холстов — хорошо, что магазин «Все для художника» работал в паре кварталов от её квартиры. Аккуратные стопочки документов и стройные ряды ручек и карандашей, которые напоминали солдат на параде, встретили её укоризненным молчанием. Хищно улыбнувшись, она смахнула весь «парад» на пол и вывалила на стол содержимое пакета.

От набросков её отвлек первый луч солнца, который проник сквозь плотные шторы и, отразившись от кисти, заплясал солнечным зайчиком на стене. Она распахнула окно, улыбнулась морозному утру и отправилась варить кофе.

— Говор-рил же: пр-ректрасно все получается без бабочек и счастливых билетов! — проворчал чёрный Кот, который вместе с суховатой крепенькой старушкой следил за девушкой из окна трамвая, висевшего в воздухе.

А старушка ничего не ответила. Просто улыбнулась, взъерошила кошачью макушку, и трамвай медленно растаял в утреннем тумане.

Предел волшебства

С самого детства трамвай был для неё символом надежды. Почему-то красные вагоны казались ей очень уютными, поэтому она пряталась в них от всех проблем и обид. Неудивительно, что «своего» волшебника она встретила именно в трамвае: седой дед в стареньком пальто и смешном берете разглядел её ауру и познакомил с первой Учительницей. «Как же много воды утекло с тех пор!» — подумала она, с любовью поглаживая борт своего вагончика и грустно улыбаясь старушке, которая отразилась в мутном стекле.

Она любила приходить сюда раньше всех, когда все дорожные волшебницы еще сладко спали. Чтобы побыть одной в этом огромном парке, который никто никогда не видел. А ведь тут было на что посмотреть: вряд ли еще где-то можно было найти место, в котором было столько разнообразного транспорта. Кто-то из волшебниц предпочитал кататься по городу на мотоцикле, кто-то водил винтажную «Волгу» с шашечками, а были и те, кто предпочитал огромные фуры. А когда настало её время выбирать средство передвижения, она выбрала старый обшарпанный вагон, который многое повидал на своём веку. Юные волшебницы шептались, что на этом трамвае пару раз проехал сам Юрий Гагарин, а его очень уважают в волшебной среде — не спрашивайте почему, просто поверьте на слово.

Да, её трамвай был очень стар. Только она была ещё старше. Ей давно предлагали перейти на тихую лесную работу: жить в избушке, беречь лес от пожаров и помогать лешему уводить зверей от пьяных охотников. Хитрый Кот часто зачитывал ей вслух вакансии в тихих районах, хотя и знал, что его хозяйка не собирается уходить с оперативной работы. Такая вот была у них игра. Но этим утром старой волшебнице было не до игр — её ждала очень важная встреча, поэтому проснулась даже раньше обычного и не стала будить Кота. Впрочем, она подозревала, что хитрый зверь тактично притворился спящим, чтобы не заставлять её что-то объяснять.

Последние три месяца Димка старался понять, где в следующий раз появится загадочный трамвай. Он даже программку написал, которая анализировала местные паблики со слухами и отмечала на карте места, в которых видели старый вагончик. По словам очевидцев, он появлялся из

ниоткуда, а потом словно растворялся в воздухе. Вот только очевидцам этим — дворовым пьянчужкам и бездомным — никто не верил. Никто, кроме Димки. Он почему-то был уверен, что все эти трамвайные истории — чистейшая правда. А ещё он верил, что этот трамвай сможет ему помочь. Он ещё раз посмотрел на монитор ноутбука: сегодня, по мнению программы, вероятность появления трамвая в городе была выше обычного. Правда, ехать придется почти на другой конец города, но он уже привык ночевать на остановках. Может быть, сегодня ему повезёт!

Набросив на плечо дежурный рюкзак с парой сэндвичей и термосом с кофе, он бросил отцу: «Па, я к другу на всю ночь — будем в «контру» рубиться!» — и закрыл за собой дверь, не дожидаясь ответа. Просто он знал, что ему все равно никто не ответит: с тех пор, как маму увезли в больницу, отец перестал обращать внимание на всё и тихо угасал, сидя у себя в кабинете.

Ночь пролетела быстро. И без происшествий. А когда в ночном небе робко забрезжил рассвет, он достал термос и выпил остатки кофе. «Еще часок подожду — и домой, а то в школу опоздаю!» — прикинул он, посмотрев на часы. И тут же подпрыгнул от неожиданности:

— Не жди, дружок. Ступай домой: он не приедет сегодня.

Димка готов был поклясться, что ещё буквально пару секунд назад на остановке никого не было. Но сейчас рядом с ним сидела седая старушка в простеньком платице. И, похоже, совсем не мёрзла, хотя ему было прохладно даже в двух ветровках, которые он надел одну на другую.

— Трамвай, который ты ждешь. Он не придёт, — медленно повторила старушка, глядя, как он удивленно моргая смотрит на нее.

— Откуда вы знаете?

— Ну, ты же умный парень, Дима, — ответила ему старая волшебница. — Давай уже, сложи два и два.

Мальчишка понял, с кем он разговаривает, как только услышал своё имя. Помолчал, изучая свои кроссовки. И тихо спросил:

— Почему?

Потом вдруг вскочил, навис над старушкой и закричал ей в лицо:

— Почему?!

И так же внезапно обмяк, плюхнулся на скамейку и расплакался. Старушка вздохнула и придвинулась к мальчишке, который сидел, уткнувшись лицом в ладони, и повторял сквозь всхлипывания:

— Почему? Ну почему?

— Потому что счастливый билет не спасёт твою маму, дружок.

— Это нечестно... Нечестно!

— Ну, знаешь! — горько усмехнулась волшебница. — Нечестно! Думаешь, мне не хочется вылечить весь мир?

— А вы можете? — Димка с надеждой поднял зарёванное лицо и вытер кулаком сопли. — Можете, да?

— Я не знаю, дружок. Честно, не знаю. Но даже если бы могла... Это нарушит баланс, понимаешь?

— Нет! Не понимаю. И вообще: счастливый билет — он же исполняет желание? И вы пришли, чтобы мне его вручить, так?

— Не совсем. Я просто пришла сказать тебе, что мой трамвай приходит к тем, кому может помочь. А ты хочешь получить от меня счастливый билет?

— Я хочу, чтобы моя мама была здорова!

Старушка развела руками:

— Извини, но с этим билет тебе не поможет...

— Почему? — упрямо насутился мальчик.

— Потому что ты можешь изменить только свою собственную жизнь, Дмитрий. Только свою собственную.

— Но...

— И никаких тут «но», дружок. Никаких «но».

— А какой тогда смысл в этом волшебстве, если оно всё равно не может помочь? И какой смысл жить, если не можешь помочь самому любимому человеку в своей жизни?

Волшебница вздохнула:

— Смысл! Знаешь, как интересно: чаще всего вспоминают про смысл, когда понимают, что можно потерять любимого человека. Какой смысл жить? Чтобы любить, Димка! Себя. Близких. Мир. Делать его лучше. Тебе еще банальностей?

— Спасибо, мне хватит, — буркнул Димка, отодвигаясь от неё подальше.

— Обращайся! — старушка улыбнулась, погладила его по щеке и продолжила. — Какой смысл от волшебства? Может, его и нет вовсе! Живут же люди без него и забот не знают.

— Просто я очень хочу, чтобы моя мама была здорова!

— Я понимаю, дружок. Я тебя прекрасно понимаю! Но её жизнь сейчас зависит только от врачей. И от её собственных внутренних сил.

— Тогда скажите: что мне делать? — мальчишка снова перешёл на крик.

— Добро, — спокойно ответила волшебница.

— О! — Димка картинно кивнул. — Ещё одна порция банальностей?

— Смотри на это как хочешь, Дим, — устало вздохнула волшебница. — Ты спросил, что тебе делать, а я говорю:

делай добро. Начни с маленьких шагов. Просто представь, что вокруг тёмная-тёмная ночь. И тебе эта темнота так надоела, что ты решил стать лампочкой. Это, кстати, не так уж и просто. И сил требует ой как много. Но рядом с тобой будет тепло. И светло. А потом на кого-то рядом с тобой упадет искра и он тоже «загорится». А когда «загорятся» много людей, станет светло и ночь уйдет.

— А вы знаете, что, когда костер сгорает, он умирает?

— Конечно знаю, дружок. Мы все умираем. Но всегда можно выбрать – умереть костром или простой тенью.

— Наверное... А мы потом возрождаемся снова?

— Давай не будем об этом, ладно?

— Ну, хорошо. Значит, делать добро, — протянул мальчишка.

— Ага! — подхватила старушка. — И верить!

— В бога?

— В лучшее, Дима. Верить в лучшее. Но, если тебе будет проще и легче, можно и в него. Но лучше в себя. Так надёжнее.

— Хорошо. Так вы дадите мне счастливый билет? — деловито уточнил Димка.

— Думаешь, он тебе нужен? — прищурилась в ответ волшебница.

— Думаю, с ним мне будет попроще.

— Хорошо, держи! — старушка протянула руку. На раскрытой ладони лежал билетик. Дмитрий торопливо схватил его и быстро пересчитал цифры — счастливый!

— Только, пожалуйста, не рассматривай его как договор с гарантией, хорошо? Я же знаю, как ты активно юридическую ответственность и прецеденты гуглил.

— Хорошо! — кивнул мальчишка и внимательно посмотрел на билет. — Значит, его нужно съесть?

— Нет, Дмитрий. Есть не обязательно. Главное, чтобы желание было заветным.

В этот момент к остановке прямо из воздуха вывалился старенький вагончик. Его двери с лязгом распахнулись, и мальчик со старушкой увидели очень недовольного Кота, который сидел на первой ступеньке и сердито щурился.

— А вы говорили, что трамвай не придёт! — обрадовался Димка.

— Это он за мной, дружок. Мне уже пора на работу.

— Что же, даже до дома не подбросите? — расстроился мальчишка.

— По-моему, тебе и билета хватит, — подмигнула ему волшебница. — Тем более, мне кажется, прямо сейчас тебе очень хочется побыть одному. И подумать.

Кот важно кивнул, соглашаясь. Старушка обняла мальчишку на прощание, поцеловала его в лоб и поднялась на борт, одарив своего пушистого коллегу выразительным взглядом: «Давай без нотаций!».

Трамвай медленно растаял в воздухе.

Туманное утро

Трудно объяснить тому, кто ни разу в жизни не держал в руках сигареты, какие ощущения испытывает человек, который в полной тишине едва зарождающегося рассвета чиркает спичкой и затягивается, заставляя тлеющий на кончике сигареты огонёк мерцать маленьким маячком. А потом выпускает в раннее утро облако сладковатого дыма, глядя на просыпающийся город.

Впрочем, у человека, стоящего на балконе в дымке густого, как кисель, предрассветного тумана, не было ни малейшего желания делиться словами, передающими вкус

первой утренней сигареты. Он проснулся, когда последние звёзды еще перешёптывались на небе, собираясь отправиться по домам, и уже несколько минут стоял, выдыхая ленточки табачного дыма, которые нехотя смешивались с серой мглой, накрывшей улицы. Будь человек повнимательнее, он бы обязательно заметил печальный взгляд будильника, который должен был прозвенеть через полчаса. А этот будильник обязательно плюнул бы на пол с досады, если бы умел плевать, ведь за последние лет десять у него ни разу не получилось исполнить свой будильничий долг.

Но человек не смотрел по сторонам — хитровато прищурившись, он всматривался в даль, отстукивая пальцами левой руки сложную мелодию на перилах. Словно ждал кого-то, кто с минуты на минуту должен был материализоваться из серой кисельной тучи. Время от времени с кончика сигареты сваливался вниз столбик накопившегося пепла, хотя пепельница стояла на широком подоконнике прямо за спиной курившего. Массивная хрустальная пепельница, которую на этом балконе использовали явно не по назначению: она плотно прижимала к шершавой доске подоконника десяток трамвайных билетов, не позволяя им разлетаться по ветру.

Сигарета почти обожгла пальцы, когда человек последний раз жадно затянулся и коротким щелчком отправил окурочек вниз. Потом еще раз всмотрелся в туманную гущу и, ухмыльнувшись, ушёл на кухню. Наклонился было по привычке к миске, чтобы наполнить её кормом, но вовремя одернулся: вот уже две недели как кошка больше не встречала его недовольным ворчанием. Задумчиво повертев в руках жестянку с кофе, он поставила её на место и открыл холодильник.

Отхлебнув пару глотков холодного красного, он глубоко вздохнул и сделал то, о чем давно мечтал — утопил телефон

в фужере. Потом взял небольшой собранный со вчерашнего дня чемоданчик с парой белья и рубашек и вышел на улицу. Дверь подъезда ещё лениво скрипела, закрываясь, когда прямо из тумана к нему, буквально продираясь сквозь кольца тумана, подъехал старенький трамвай.

Если бы у этой сцены нашлись случайные зрители, их бы, наверняка, удивило, что трамвай двигался так тихо, что можно было услышать, как единственный его потенциальный пассажир пытается дыханием согреть руки. Правда, еще более удивительным был тот факт, что ближайшие трамвайные рельсы лежали в паре кварталов от этого района. Но все случайные зрители ещё спали или были увлечены утренними сборами, поэтому придётся нам обойтись без удивлений.

Вагон плавно остановился и с деликатным — но всё-таки не бесшумно! — лязгом распахнул двери прямо перед любителем утреннего курения. Тот неторопливо посмотрел по сторонам, словно надеясь, что трамвай видит кто-то, кроме него. Увы: улица была тиха и пустынна, поэтому он, пожалвав плечами, поднялся по выдавшим многое ступенькам. Дверцы тут же торопливо потянулись друг к другу, стараясь сохранить остатки накопленного тепла, и трамвай, чуть вздрогнув, отправился обратно в туман по маршруту, который был известен только его водителю и кондуктору — сухонькой старушке с веселыми «знают-всё-про-тебя» глазами. Кроме неё и пассажира, неспешно обменявшего горсть мелочи на билетик, в вагоне был только здоровенный чёрный Кот, который изо всех сил делал вид, что спит, умудрившись свернуться клубочком на небольшом вязаном коврикe, лежавшем на почётном месте кондуктора.

Немая сцена «старушка и пассажир смотрят друг другу в глаза, а кот уголком уха следит за каждым движением пассажира» длилась недолго. Потом человек едва заметно

улыбнулся и перевел взгляд на билет, лежащий на его ладони, чтобы посмотреть, как цифры толкаются и суетятся, пытаясь выстроиться в «счастливую» комбинацию. Наконец, у каждой получилось встать на нужное место, после чего они сразу замерли, явно довольные собой. И не только они: на долю секунды показалось, что даже время остановилось, чтобы получше рассмотреть этот танец цифр. И только две пары глаз следили за человеком: старушка-кондуктор смотрела на своего пассажира хитро прищурившись, а кот тарачил жёлтые зенки-блюдца, забыв, что на самом деле он крепко спит.

Тишину прервал уже знакомый лязг открывающихся дверей. Стоя на последней ступеньке, человек обернулся, ещё раз встретился взглядом с кондуктором, довольно улыбнувшись, виновато пожал плечами и спрыгнул в туман, по-прежнему душивший город в своих объятиях. Подождал, пока трамвай, чуть слышно постукивая колесами, растворится в серой пелене, ещё раз посмотрел на билет и спрятал его в карман. Поёжился, приподнял воротник пальто и пошел к вокзалу, на ходу доставая из кармана початую пачку сигарет и спички. Минут через пять он выдохнул в утро последнее облако серого дыма и аккуратно бросил окурочек в урну. Потом неожиданно закрыл лицо ладонями, замер на пару секунд, словно сосредотачиваясь, медленно развел руки в стороны и звонко хлопнул в ладоши. После этого весело подмигнул куда-то в туман, покачал головой, словно отказывая в просьбе старому знакомому, и направился к кассам, еще не зная, что скажет в окошечко: на аккуратно сложенной карте, которая лежала в его чемодане, была отмечена только конечная остановка путешествия.

Как только странный человек скрылся за дверью, туман, словно испугавшись хлопка, спешно покинул город, разрешив проснувшемуся осеннему солнцу не согреть, но хотя бы

осветить улицы города, в котором происходили маленькие бытовые чудеса. Кофе, который девушка забыла на плите, передумал убежать, терпеливо дождавшись, пока она справится с прической. Два хулигана так увлеклись семечками и поиском ответа на вопрос «В чем сила?», что не обратили никакого внимания на тощенького юношу с айфоном. А этот юноша именно этим утром решил пригласить в кино девушку, которая снилась ему целый год. И её совсем не смутил его ранний звонок. Наконец-то стих детский плач, сменившийся довольным агуканьем, которое заставило усталую маму забыть о бессонной ночи. И даже грязные брызги из-под колес летящих по своим делам автомобилей старались держаться подальше от пешеходов, ни один из которых не опоздал в то утро на работу.

Всё это прекрасно видела старушка-кондуктор, которая довольно улыбалась, стоя и прижавшись лбом к стеклу трамвайного окна. Кот тоже всё видел. А может, даже чуть больше. Но, когда он, недоуменно разведя лапы в стороны, подошел к окну, бабулька проворно повернулась и прижала палец к губам, заставив своего хвостатого спутника поперхнуться вопросом, который он собирался задать. А потом махнула рукой и трамвай беззвучно растворился в остатках тумана...